

От чего зависят счастье и несчастье: [Краткая моя биография]

«Если что со мной случится, передайте этот материал в редакцию газеты «Вся неделя. Ангарск», - написала своим близким незадолго перед кончиной Елизавета Замашикова, 3 декабря 2008 года ушедшая из жизни после тяжелой болезни. Рассказы, очерки, отрывки из повестей этого талантливого прозаика печатались с первых дней рождения нашей газеты, более девяти лет. Предлагаем вниманию читателей последнюю публикацию Елизаветы Никаноровны Замашиковой.

ГРЕХОВНАЯ СВЯЗЬ

С некоторых пор, оглядываясь на прожитую жизнь в уже преклонном возрасте, я как-то смирилась с выпавшей на мою долю судьбой. Хотя слово это - судьба - не означает понятие конкретное, материальное, скорее духовное, подразумеваемое, сопоставимое с понятием о Боге.

Поэтому и бытует в русском языке известная поговорка-поговорка: человек полагает, а Бог располагает. То же можно сказать о судьбе. Человек планирует свои действия в нужном ему направлении, во что-то верит, на что-то надеется, но какие-то силы свыше вмешиваются в его планы, создают условия, в которых они становятся невыполнимыми.

Таких примеров в моей биографии предостаточно, хотя все мои ошибки, особенно в молодости, неприятности во взаимоотношениях с людьми, удачи и неудачи в работе, которую совмещала с трудом литературным, - это еще и от характера, и от поведения, когда мои поступки и действия в непредвиденных обстоятельствах были поспешными и опрометчивыми.

Об этом и хочу рассказать кратко, не углубляясь в перипетии личной жизни, хотя и в ней много зависело не только от моего характера и поведения, но иногда и от случая, в итоге судьбоносного.

Даже сам факт моего появления на свет, как мне теперь кажется, был предопределен случайностью встречи моих родителей, которые были между собой родственниками - двоюродными братом и сестрой. Их матери были сестрами родными, но мать отца рано умерла - ему было пять лет, - и с того времени он жил с отцом и мачехой в Чите. А мать моей матери с детства была слепой, замуж вышла тоже за слепого, и рожденную в их семье дочку сами они растить не смогли, потому отдали ее в бездетную семью брата матери - Плаксина Никанора Степановича, который и отцу моему приходился дядей.

Жил этот дядя Н.С. Плаксин в деревне на берегу Ангары, в 250 километрах от Иркутска. Моя мать воспитывалась в его семье как дочь. И никакой связи с племянником, сыном давно умершей сестры, проживающим в далекой Чите, у дяди не было. Ехать из Читы до деревни на Ангаре надо было поездом до Иркутска, потом плыть пароходом. Тем не менее, этот племянник, когда ему было уже 19 лет, в конце августа 1928 года вдруг почему-то приехал-приплыл погостить к дяде, где и встретился с моей будущей матерью.

Они были ровесниками, а уж как возникла эта греховная связь - по взаимному ли влечению или по воле случая, но судьбе было угодно, что 5 июня 1929 года от этой связи родилась я.

Бывает, конечно, что и родственные браки сохраняются - в нашем семейном клане такие примеры есть. Но мои родители, хотя отношения узаконили и некоторое время жили вместе в Чите, все же расстались. Беременная мною мать к лету вернулась к названным родителям, которые потом стали и моими родителями. Мать после моего рождения оставила меня у них, сама опять вышла замуж, и опять неудачно.

Но из моей жизни она ушла, хотя и появлялась изредка в семье, где росла я. А отец канул в неизвестность. От отцовских обязанностей его освободили и морально, и материально, так как Никанор Степанович и его жена меня удочерили, а мое рождение от связи племянника с племянницей скрывали, даже в деревню другую переехали. Тоже у Ангары, на 30 километров поближе к Иркутску, - в Малышевку Балаганского района.

Так я стала по отчеству Никаноровной, а по отцу родному была бы Евгеньевной. Но я его никогда не видела - знаю только по фотографии. Еще с памятью об отце связано то, что называли меня Елизаветой - именем его покойной матери: говорили, что и я похожа на нее, свою бабуку.

Об этой своей бабушке, как и о настоящих родителях, я узнала лет в 13-14 и отнеслась к этому безболезненно, искренне считая своими мамой и папой тех, кого привыкла так называть. А к родной матери, когда она к нам приезжала (как стихийное бедствие, так как вела сомнительный образ жизни), я испытывала стойкую неприязнь, стыдилась и огорчалась, когда люди в деревне спрашивали меня: «Твоя мать явилась?»

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Это, наверное, было счастьем, что я росла в семье дяди отца и матери, а его жена, незабвенная баба Варя, внесла в мое воспитание столько полезного для формирования души, хотя оценила я это уже в зрелом возрасте, когда осознала, что и мой интерес к литературе возник еще тогда, в детстве. И тоже благодаря бабе Варе, хотя была она полуграмотной - всего-то три класса

приходской школы. Но, возможно, в конце XIX века это было немало?..

Насколько я помню, баба Варя всегда что-то читала, и в доме у нас были книги. Таких авторов, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, я узнала намного раньше, чем познакомилась с их творчеством в школе. Кстати, особенно мне запомнилась книга произведений Лермонтова, изданная, наверное, в 1914 году, к 100-летию со дня рождения поэта. С буквой «ер» - «ь» в конце существительных на твердую согласную. На отличной бумаге, с изумительно красивыми иллюстрациями. Если бы я сумела эту книгу сохранить!

А читать я научилась еще до школы из любопытства к печатным знакам, которые находила в своих детских книжках с картинками. Помогли мне в этом опять же баба Варя и мальчики-девочки, которые жили у нас в квартире в зимнее время и учились в школе-семилетке в нашей деревне. В тех, где жили они, школы были только начальные, до четвертого класса. И это, наверное, способствовало моему развитию. Любознательная от природы, я постоянно вникала в их разговоры о занятиях, об учителях. А еще эти мальчики-девочки устраивали иногда вече ринки-концерты с песнями под аккомпанемент балалайки - и я тут как тут, тоже принимала участие.

В первый класс я пошла в 1937 году, когда отмечалось столетие со дня гибели А.С. Пушкина. И это тоже запомнила, возможно, потому, что на последней странице школьной тетради был изображен портрет поэта и напечатано его стихотворение «Памятник». Но в начальных классах никакими особыми способностями я не выделялась, училась средне и только в четвертом классе стала ударницей - так тогда назывались те, кто учился без троек. В это время я активно принимала участие в самодеятельности, и за исполнение песни о Кормелюке (наша учительница была украинкой) на районной олимпиаде нас с подружкой, с которой пели дуэтом, отправили на областную олимпиаду в город Иркутск.

Была назначена дата - 22 июня 1941 года, но никто еще не знал, что этот день станет началом Великой Отечественной войны. А мы на долгожданную олимпиаду выехали 20 июня. Плыли пароходом до пристани Макарьево, потом поездом ехали из Черемхово в Иркутск. И как раз в этот день, 22 июня, прибыли в Иркутск, уже охваченный тревогой, с транспарантами и лозунгами на улицах, призывающими встать на защиту Родины. А нас с подружкой, прибывших из деревни, удивило-обрадовало, что на углах улиц продавали мороженое, в магазинах была халва... Через месяц, наверное, ничего этого уже не было.

С пятого по восьмой классы выпали на годы войны. Помню, как в некоторые семьи приходили похоронки - в деревне это сразу становилось

известным. И в школе в те годы были свои трудности: в зимнее время из-за экономии дров плохо топили печи, за партами мы сидели в верхних одежках. Не хватало тетрадей, домашнее задание мы выполняли на брошюрах – писали между строк. Но всё равно это время запомнилось ярким. Опять я участвовала в школьной самодеятельности, к каждому празднику готовили концерты, хотя называлось это тогда просто выступлениями с песнями, танцами, инсценировками из литературных произведений. Такие инсценировки я пыталась сочинять сама, играла в них какие-то роли и на сцене держалась свободно, мечтала стать артисткой.

Начиная с восьмого класса, я всё больше стала увлекаться литературой, много читала и охотно писала сочинения. Литературу у нас преподавал бывший фронтовик. Говорили, что он был контужен, потому, наверное, держался как-то скованно, к ученикам относился сугубо официально, ограничивая общение с ними только занятиями на уроках. Но литературу он, вероятно, любил и хорошо знал, потому и спрашивал строго. Меня он заметно выделял: пятерки ставил, почти не спрашивая. А в тетрадку писал иногда, что мое сочинение лучшее в сравнении с другими.

Самодеятельностью в старших классах с нами занимался другой учитель – Георгий Иванович Перфильев. Как ни странно, математик. Этот человек в сельской школе, несомненно, был личностью незаурядной: красивый внешне, располагающий к себе добрым юмором. Он и спектакли большие ставил, даже по пьесам А.Н. Островского. Но это с коллективом учителей, а с нами, учениками, готовил интересные программы концертов, с которыми мы выступали в других деревнях и в районном клубе.

Но меня он выделял только в самодеятельности. Я неплохо пела, играла на гитаре, а математику осваивала всё хуже и хуже. В десятом классе, когда надо было вникать в геометрию с тригонометрией, мои клетки мозга словно отключились, совсем не воспринимали сложностей с синусами-косинусами, тангенсами и котангенсами. В итоге к концу учебного года я «обросла» двойками и от экзамена на аттестат зрелости меня отстранили. Это было моим первым жизненным испытанием, крахом надежд на будущее.

А мои родители (по сути, дед и бабушка), вероятно, из-за своего преклонного уже возраста не вмешивались в мою судьбу активно, считая своим долгом кормить-одевать. А надо бы, как я помню сейчас, определить меня на учебу в Иркутск – ближе было невозможно. Хотя бы в какой-то техникум, чтобы я приобрела специальность. Или чтобы я устроилась на какую-то работу. Если не в нашей деревне, то в районном центре, который был совсем рядом с ней, по другую сторону Ангары. Летом туда ходил паром, а зимой вела дорога по льду.

И ВОЗНИК СЮЖЕТ...

Но ничего этого мои родители не предлагали, а сама я «нашла выход из душевного кризиса в том, что занялась литературным творчеством.

В то лето 1947 года я написала повесть, в которую вложила свой маленький жизненный багаж под впечатлением от знакомства с девочкой, эвакуированной в годы войны из Ленинграда в наше село. Разумеется, сюжет повести был наивным и примитивным. Брат и сестра после развода родителей жили в разных семьях: он - с папой, а девочка - с мамой. В начале войны мать с дочкой эвакуировались, попали под бомбежку. Мать погибла, а девочка потом оказалась в интернате, где и встретила с братом, не зная об этом. Молодые люди, точнее, мальчик и девочка, увлеклись друг другом, потом случилось узнавание, трагедия чувств...

Это надо же было сочинить в 18 лет! Но работа над этой повестью, черновик и переписывание от руки набело в толстую амбарную книгу с китайскими иероглифами (трофейный подарок моего друга-одноклассника, а ему подарил отец, служивший в годы войны на Востоке) - это все действительно отвлекло меня от душевной депрессии и неуверенности в себе.

И только! Посылать этот свой труд в надежде на издание у меня и в мыслях не было, но в моем окружении, среди учеников школы (в десятом классе я посещала занятия вольнослушателем и сдавала потом экзамены экстерном) повесть многие читали. Дошло и до учителей, в частности до Георгия Ивановича. Он, наверное, понял, что не такая уж я никчемная вообще, а только в отношении математики, и посчитал нужным хорошо со мной поговорить. Отметил недостатки, похвалил достоинства, так как повесть была написана по всем правилам литературного жанра: завязка, развязка, кульминация (чему и сейчас, перечитывая, удивляюсь). Он выразил надежду, что это не первое мое произведение, а второе будет лучше, однако не надо торопиться, надо получить образование и накопить жизненный опыт. А получилось все не так, как надо, а как было угодно судьбе.

В институт в Иркутске я все-таки поступила - в педагогический, на литфак, но из-за болезни посещать занятия не смогла. Потом вышла замуж за того самого друга-одноклассника и, ожидая ребенка, вернулась в свою деревню к бабушке с дедом, где и жила до 1951 года: растила дочку и работала в школе, в библиотеке.

А муж жил в Иркутске, учился в престижном по тем временам техникуме искусственного жидкого топлива, где готовили специалистов для Комбината-16, будущего нефтехимического, в строящемся городе, названном потом Ангарском.

ХОЧУ БЫТЬ ПИСАТЕЛЕМ

В Ангарске мы и стали жить с 1951 года, когда муж, окончив техникум, получил направление на работу на комбинат. А я, вместо того чтобы устроиться на работу в библиотеку (такая возможность имелась), что было бы мне близко и интересно, поступила на курсы лаборантов-химиков и четыре года отработала в лаборатории цеха газового завода.

Не нравилась мне эта работа, казалась нудной, однообразной. И люди из коллектива цеха были далеки от тех идеалов, к которым стремилась я. А стремилась я опять же к занятиям гуманитарным, к любимой своей литературе. Каждое лето сдавала экзамены на заочное отделение пединститута, на литфак, но поступить в те годы было уже трудно из-за конкурсов - я не набирала баллов.

И вот с такими не полностью набранными баллами я и пришла осенью 1956 года в Иркутское фармацевтическое училище, где меня приняли еще и потому, что имела стаж лаборанта-химика. Закончив фармучилище и работая потом в аптеке, я вроде бы смирилась с тем, что мне не суждено стать литератором, а написанная в школьные годы повесть казалась мне порывом юности.

Но в 1960 году, летом, я провела отпуск у подруги, которая жила в деревне на Ангаре. Тогда уже началось строительство Братской ГЭС, и эта деревня, как и многие другие (в том числе и моя, где прошло детство), готовилась к сносу. Я почувствовала потребность сказать об этом, выразить свое отношение. Так возник повесть «Свояченица».

«СВОЯЧЕНИЦУ» ОДОБРИЛИ

В основе повести - семейно-бытовая тема, сложные человеческие отношения, где грядущие события (затопление обжитых мест водой Братского моря) - всего лишь фон, но эту свою повесть я решила показать в отделении Союза писателей Иркутска. Приняли ее там с одобрением. Потом повесть обсуждалась на конференции «Молодость. Творчество. Современность», которая проходила в Иркутске весной 1961 года, и тоже получила признание.

В 1962 году повесть «Свояченица» была напечатана в №1 альманаха «Ангара», и это стало началом моей литературной деятельности. Но деятельность эту, что было для меня самым интересным, приходилось совмещать с учебой в университете на заочном отделении филологического факультета, с работой в аптеке, а главное - с воспитанием детей, которых, к счастью, мне помогала растить моя незабвенная баба Варя. Она жила в моей семье постоянно до своих 92 лет, а без нее, наверно, мои нагрузки на тот период, были бы несовместимы.

После успеха со «Своячницей» меня будто захлестнула творческая энергия. Я писала не только в жанре художественной литературы (рассказы, новеллы), но и публицистику. Мои очерки, зарисовки, статьи на моральные темы печатались в городской газете «Знамя коммунизма». Кроме этого, я работала над большой повестью под названием «Накипь», где рассказывается о подростковой преступности и связанных с ней семейных проблемах. Тема такая у меня возникла во время работы в детской комнате милиции, где я была нештатным сотрудником.

В иркутском отделении Союза писателей мою повесть прочитали и одобрили Л. Огневский (крестный отец моей «Свояченицы») и В.И. Марина, известная в те годы писательница. Весной 1966 года эта повесть была поставлена в план обсуждения на конференции «Молодость. Творчество. Современность» в Ангарске, но случилось так, что в канун конференции я тяжело заболела (обострение панкреатита) и оказалась в хирургическом отделении больницы.

Обошлось, слава Богу, без операции, но в больнице я была почти месяц, и мою повесть обсуждали потом за круглым столом в Союзе писателей. Не знаю, как бы отнеслись к этому моему произведению на конференции, а за круглым столом о ней резко отрицательно отозвался Ю. Самсонов, бывший тогда редактором альманаха «Ангара». А мои доброжелатели Л. Огневский и В. Марина после его выступления просто промолчали. Ни слова в защиту, хотя раньше, как я уже сказала, отзывались с одобрением.

ПРИШЛА БЕДА, ОТВОРЯЙ ВОРОТА

Таким образом, эта повесть была обречена на забвение - мнение членов СП в те годы было решающим и для книжного издательства. Так уж случилось, что тот год, 1966-й, был роковым для всей нашей семьи. Как в пословице: пришла беда – отворяй ворота.

Пока я лежала в больнице, возникла неприятность с сыном (ему было тогда 15 лет) – вызвали на комиссию по делам несовершеннолетних. Потом во время выпускных экзаменов за 10 класс моя дочь получила травму в дорожно-транспортной аварии. Опять, слава Богу, обошлось без тяжелых последствий. В завершение – авария в цехе, где работал мой муж. Причина происшествия неизвестна, так как от цеха остались одни руины, а вся ночная смена погибла.

Мой муж был в том цехе начальником, незадолго до аварии он подавал директору газового завода докладную, в которой объяснял, что оборудование в компрессорном цехе изношено (трофейное, из Германии) и необходимо срочно проводить капитальный ремонт. С ремонтом не успели, а

случившуюся аварию, повлекшую гибель семи человек, вызванные из Москвы эксперты квалифицировали как преступление. Было возбуждено уголовное дело, состоялся суд, после чего мой муж и другие ответственные за безопасность люди (старший инженер, механик) были приговорены к разным срокам заключения.

Муж был осужден на три года, но по амнистии освобожден раньше, в ноябре 1967-го, когда отмечали 50-летие Октябрьской революции.

На комбинат он потом не вернулся, перешел в строительную организацию с направлением на работу в монтажный отдел треста «Приаргуньстрой» в городе Краснокаменске Читинской области. А я с детьми и больной матерью (бабой Варей) осталась в Ангарске – заканчивала учебу в университете и одновременно работала диспетчером на станции скорой помощи.

НОВЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Работа на «скорой» стала для меня источником материала для новой повести – о девчонках-медичках, начинавших свой путь и в освоении профессии, и в семейной жизни при вступлении в брак. Она и называлась «Девчонки выходят замуж».

Но и эта повесть не получила одобрения в Иркутской писательской организации, так как литература на сугубо бытовую тему, без социальной значимости в те годы почти не принималась к печати.

Кроме того, как раз в те годы, в начале 70-х, я из Ангарска уехала к мужу в Краснокаменск. А обстановка в нашей семье на тот период была крайне напряженной – и в отношениях с мужем, и с сыном, уже взрослым, женатым. Его брак то и спасло, что он и его жена уехали со мной из Ангарска.

Замашникова Е.

Вся неделя. – 2009. – 10 февр. – С. 6 ; 17 февр. – С. 6.